

Колесникова Е. А.

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 84-86. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

гут выполнять данную работу. Каждый преподаватель выдвигает свои требования к протяжённости экзамена в зависимости от сложности заданий и уровня подготовленности студентов в группе. По мере того, как студенты досрочно заканчивают работу они сообщают об этом преподавателю, посылая сигнал со своего компьютера. Преподаватель может проверить и оценить работу студента со своего места, не мешая другим студентам. После чего студент приглашается для беседы по теме.

Таким образом, преподаватель освобождается от процесса выслушивания пересказов, но при этом выполняя поставленную задачу.

Итоговый контроль всегда был многоэтапным процессом. Итоговые лексико-грамматические контрольные работы, контроль умения работать с текстом, умение составить различные типы корреспонденции, умение высказываться и вести беседу по теме. Современные технологии позволяют свести затраты преподавателя на контрольные мероприятия к минимуму, отдав все в руки современных технологий, ведь даже тему можно прослушать через Интернет.

Но для того, чтобы качественно в инновационном духе формировать и проверять уровень формирования определенных компетенций у студентов, многим преподавателям необходимо приобрести дополнительные профессиональные компетенции.

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ

Колесникова Е. А.

Сибирский федеральный университет

В последнее время в лингвистической литературе все больше внимания уделяется проблемам языка науки. Это связано, прежде всего, с прогрессом научного знания, возрастанием сложности исследований, развитием новых самостоятельных научных направлений. Особенно остро встает вопрос о создании оптимального «языка» как основы научного общения в гуманитарных науках, которые в наибольшей степени зависят от идеологических предпосылок исследования [Гвишиани 1986: 5].

Важной особенностью гуманитарных наук является то, что их предмет - нечто такое, к чему принадлежит и сам познающий. Специфика языкознания как гуманитарной науки заключается в том, что ее предмет - естественный язык - создан обществом и немислим вне общества. Языкознание как гуманитарная наука, по словам Р. А. Будагова, прежде всего должна изучать язык как «непосредственную действительность мысли», «как средство выражения мыслей и чувств людей, живущих в обществе» [Будагов 1980: 15]. Таким образом, в центре внимания оказываются общественные функции языка, взаимодействие языка и культуры общества, языка и социально-исторических особенностей жизни языкового коллектива.

Естественный язык - это очень сложный и многоаспектный предмет исследования. Поэтому для его описания и изучения необходим такой метаязык, который мог бы вместить в себя все многообразие средств, позволяющих охарактеризовать различные стороны и проявления языка-объекта [Гвишиани 1986: 27].

Языком, описывающим естественный, человеческий язык, является *метаязык* (от греч. *meta* - *через, после*). Этот термин в лингвистической литературе определяется как «язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект. Метаязык, по мнению О. С. Ахмановой, включает в себя следующие компоненты: терминологию, своеобразные сочетания слов и их эквивалентов, определенный социо-лингвистический аспект: данная форма метаречи отражает специфику того или иного лингвистического направления, эпохи и т.д.; общенаучную лексику [Ахманова 1966: 4].

Таким образом, метаязык языкознания представляет собой сложное явление. С одной стороны, в основе его лежат строго системные отношения между терминами как единицами, воплощающими принцип единства выражения и содержания. С другой стороны, метаязык включает также и общенаучную лексику.

Н. Б. Гвишиани рассматривает метаязык прежде всего как средство научного (или метаязыкового) общения, реализующего коммуникативную функцию. Метаязык при этом общении используется и реально существует в соответствующей *м е т а р е ч и*, т.е. той разновидности речи, которая осуществляется при общении ученых, исследующих те или иные свойства языка-объекта. Взаимодействие метаязыка и метаречи находит отражение в принципах построения лексикографических пособий, когда в словарные статьи включаются отрывки (или сегменты) метаречи, иллюстрирующие употребление того или иного термина. Продуктивность научного общения, по мнению исследователя, во многом зависит от того, «насколько избранный метаязык понятен ученым, разрабатывающим данную область знания, насколько он может способствовать установлению контакта между ними». В случае несовместимости метаязыковых систем пишущего и читающего (соответственно, говорящего и слушающего) обмен научной информацией существенно осложнится ввиду отсутствия единой системы понятий и терминов, являющихся основой научного общения. [Гвишиани 1983: 64].

Рассматривая вопросы метаязыка, особое внимание следует уделить проблемам терминологии. Терминология рассматривается как завершающий этап научного познания. Полученные научные результаты не могут стать достоянием человечества до тех пор, «пока движение мысли не достигло такого уровня абстракции, на котором возможно соединение вновь созданного понятия с определенным символом или знаком... Таким образом, научный термин, являясь как бы завершающим этапом исследования, представляет собой единицу *мета*-таксономического уровня, на котором осуществляется метаязыковая систематизация таксо-

номий, полученных при изучении языковых фактов. Термины, закрепляемые за соответствующими понятиями, образуют систему второго порядка в отличие от определений этих понятий, выступающих как система первого порядка». Терминологическая система может быть представлена как результат многостепенного процесса, на каждой стадии которого возрастает степень упорядоченности терминологического материала [Гвишиани 1986: 7-8]. Термины служат для концептуализации и классификации познаваемого.

Лингвистическая терминология, по замечанию О. С. Ахмановой, до сих пор «... не является рационально организованной, семиотически безупречной системой, в языкознании постоянно существует проблема упорядочения терминологии». А между тем, жизнеспособность «той или иной терминологической системы определяется в первую очередь ее упорядоченностью и последовательностью соотношения содержания и выражения. Терминологическая система, отвечающая этим требованиям, ... может пережить научное направление, ее породившее... и войти в современный язык данной науки» [Ахманова 1990: 509]. Исследователь отмечает, что еще в 60-е годы были распространены «жалобы на неудовлетворительность современной лингвистической терминологии, на ее крайнюю неупорядоченность и непоследовательность...» [Ахманова 1969: 6]. По словам И. Куликовой, «... зная лучше других, что такое термин, какова его природа, лингвисты не могут справиться с болезнями собственной терминологии» [Куликова 2002: 6].

Исследователи предлагают различные варианты решения проблемы лингвистической терминологии. Одни полагают, что в лингвистической терминологии «необходимо преодолеть свойственное естественным языкам нарушение законов знака и строить ее на чисто рациональной основе, найдя доступ к «чистым, идеальным объектам». Другие считают, «что, поскольку нельзя приостановить развитие науки на время создания новой терминологии, задача упорядочения лингвистической терминологии должна сводиться 1) к изучению реального лингвистического словоупотребления, 2) к отбору терминологии и описанию ее в *словарях лингвистических терминов*, 3) к составлению национальных терминологических систем в дву- и многоязычных терминологических словарях. При сопоставлении выявленных дублетов, триплетов и т.п. необходимо стремиться к четкому выделению *дескрипторов*, т.е. таких слов и словосочетаний, которые наиболее адекватно представляли бы данное понятие, наиболее точно раскрывали бы природу именно данного явления, обозначенного данным термином» [Ахманова 1990: 509].

«Научная терминология несравненно больше, чем другие области языка выполняет двойную коммуникативную функцию, будучи предназначена для коммуникации не только в национальных, но и в интернациональных сношениях» [Ивич 1963: 18-19]. Отсюда спорным, до сих пор не решенным является вопрос о том, какой должна быть лингвистическая терминология: интернациональной или национальной? В пользу термина со славянской этимологией выступает, во-первых, «ощущение чистоты языка», во-вторых, ясность национального термина. Но, как справедливо замечает чешский исследователь И. Ивич, большая часть существующих лингвистических терминов со славянскими этимологиями являются кальками, более или менее точно передающими структуру своих греческих или латинских образцов и не создающими ясного представления о понятии, к которому относятся. «В то же время, - продолжает И. Ивич, - преимущества семантической ясности имеют и некоторые термины иностранного происхождения...» [Ивич 1963: 21]. В-третьих, - формальное совпадение терминов различных языков нередко не только не облегчает международное общение, но, напротив, затрудняет его, так как создает видимость равенства, соответствия, которое на самом деле оказывается иллюзорным [Ахманова 1966: 13].

В противоположность изложенным аргументам в пользу отечественных терминов исследователями выдвигается целый ряд доводов против употребления терминов национального происхождения. Во-первых, некоторым отечественным терминам мешает их полисемия внутри самой терминологической системы. Во-вторых, международные термины отличаются краткостью, которую не всегда могут иметь описательные термины, образованные на национальном материале. В-третьих, требованию максимальной точности больше соответствуют интернациональные термины, чем национальные. По мнению И. Ивича, «от повышения степени приобщения славянских народов к интернациональной терминологии много выиграла бы мировая наука, а в особенности наука самих славянских стран» [Ивич 1963: 21-24].

Не менее важной проблемой метаязыка лингвистики является чрезмерное терминотворчество, «склонность различных ученых вводить новые термины без достаточных для того оснований...», а также «непоследовательность употребления существующих терминов, невероятно развитое дублирование» [Ахманова 1966: 4]. Французский исследователь Ж. Мунэн писал: «История лингвистики, как и многих других наук, представляет собой огромное кладбище терминологических экипажей..., на которых почти никто не ездил. На это кладбище мало заходят, хотя посещение его было бы весьма поучительным. Из ста шести терминов, созданных Ельмслевым, в общем использовании осталось лишь около 5 %» [цит. по: Слюсарева 1979: 73].

Необходимо остановиться также на вопросе о тех многочисленных терминах, которые широко заимствуются лингвистами из математики, физики и других наук. «При заимствовании термина другой наукой нередко утрачиваются его важные свойства, и он возвращается представителям первой из обменивающихся наук в «поврежденном» виде: нередко такой термин утрачивает однозначность и точность, которыми он обладал потому, что входил в определенную терминологическую систему. Он не приобретает соответствующих новых свойств вследствие того, что по отношению к заимствующей стороне оказывается случайным, чужеродным вкраплением, не нашедшим места в данной с и с т е м е терминов» [Ахманова 1966: 8]. Простое введение в текст лингвистического сочинения термина математики, физики и т.п. никак не может превратить его в термин языкознания.

Исследование всех этих вопросов представляет собой большие трудности в связи с тем, что метаязык лингвистики проявляет тенденцию распадаться на диалекты и даже идиолекты [Ахманова 1966: 4]. «Это ставит перед исследователями лингвистической терминологии сложную задачу последовательного и обоснованного отграничения терминов, которые уже могут считаться общепризнанными и поэтому должны включаться в словарь, с одной стороны, и таких терминов, которые не только не получили достаточного признания, но и вряд ли могут на такое признание рассчитывать, - с другой» [Ахманова 1966: 4]. Несоответствие в определении терминов различными авторами или различными направлениями в значительной степени препятствует осуществлению эффективного обмена научной информацией. Особое значение в этой связи, по мнению Н. Б. Гвишиани, приобретает рассмотрение метаязыка как системы единиц, в основе которой лежит соответствующая система понятий. Лингвистические тексты определенных школ и направлений в языкознании указывают на постепенность научного исследования, многоступенчатый процесс развития какой-либо концепции. Каждое последующее понятие формируется на основе предыдущего... Преемственность как процесс накопления достоверных знаний является необходимым фактором развития науки» [Гвишиани 1983: 67-68].

Таким образом, мнения лингвистов сходятся в том, что понятие метаязыка гораздо шире, чем понятие терминологии, так как метаязык включает в себя специальное словоупотребление в широком смысле этого слова. Но, к сожалению, это словоупотребление оказывается не только не единым вследствие большого разнообразия школ и направлений, но и резкой смены воззрений на язык, ярко отразившейся в научном словоупотреблении.

Список использованной литературы

1. Ахманова О. С. Терминология лингвистическая // ЛЭС. - М., 1990. - С. 509.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966. - С. 3-19.
3. Будагов Р. А. Филология и культура. - М., 1980.
4. Гвишиани Н. Б. К вопросу о метаязыке языкознания // Вопросы языкознания. - 1983. - № 2.
5. Гвишиани Н. Б. Метаязык // ЛЭС. - М., 1990. - С. 297.
6. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). - М.: Высш. шк., 1986. - 280 с.
7. Ивич П. К. К проблеме лингвистической терминологии и условных обозначений в славянских языках // Вопросы языкознания. - 1963. - № 1.
8. Кохановский В. П. Основы философии науки: Учебное пособие для аспирантов. - Изд. 3-е. - Ростов н/Д.: Феникс, 2006.
9. Куликова И., Салмина Д. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). - СПб.: «Сага», 2002.
10. Моисеев А. И. К определению терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. - Л., 1976.
11. Слюсарева Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. - 1979. - № 4.
12. Филин Ф. Об актуальных задачах советского языкознания // Вопросы языкознания. - 1981. - № 1.

РЕЧЕВОЙ АКТ ОБЕЩАНИЯ КАК ПРОМИССИВ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Колоколова Н. М.
Астраханский государственный университет

Среди речевых актов ученые выделяют комиссивы, которые подробно изучаются в работах Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля, Дж. Катца, Д. Мак-Коли, В. Фрейзера, Д. Вундерлиха.

Выделяя иллокутивные глаголы, выражающие комиссивный речевой акт, они руководствуются классификацией Дж. Л. Остина, предложившего выделить иллокутивные глаголы, передающие значение принятия обязательства. Однако нет единого мнения по поводу выделения комиссивных речевых актов. Многие исследователи рассматривают один и тот же иллокутивный глагол и относят его к разным речевым актам. Так, глагол и вызов на какое-либо действие у Дж. Л. Остина принадлежит к классу формул социального этикета, у Дж. Р. Серля - к директивам, у Д. Мак-Коли - к комиссивам. Списки комиссивных глаголов приводятся в исследованиях Дж. Л. Остина (33 глагола), Д. Мак-Коли (47 глагола), В. Фрейзера (16 глаголов) [Восканян 1987: 45-52].

Первая классификация комиссивов по семантическому признаку принадлежит Дж. Л. Остину. Под комиссивами он понимает обещания или другие обязательства: «они обязывают (commit) вас что-то выполнять». В эту группу Дж. Л. Остин относит декларации или заявления о намерениях, вердиктивы и экзерситивы, ключевое слово которых - обязывать говорящего к определенной линии поведения. Они выражаются такими глаголами, как: *обещать, брать на себя функции, иметь в виду, предлагать (сделать), предусматривать, клясться, принимать (взгляды), поддерживать(идею), заключать соглашение и др.* [Остин 1986: 119-125].

Дж. Дж. Катц называет комиссивы речевыми актами принятия обязательства [Katz 1977: 99-102].

Д. Вандервекен выделяет структуру комиссива, опираясь на различные составляющие иллокутивной силы данного речевого акта. Базовая иллокутивная сила имеет выражение в компонентах пропозиционального